

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82.9

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-1-64-71

Дата поступления: 11.01.2023
рецензирования: 13.02.2023
принятия: 20.03.2023

С.В. Лелюхин

АНО ДПО «НОЦ «Компас»

г. Саратов, Российская Федерация

E-mail: s.lel@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2919-9506>

Учитель и власть: эволюция профессиональных требований в 1920–1930 годы

Аннотация: изучение начального советского этапа истории общего образования важно как для понимания преобразовательных процессов в советском обществе в целом, так и в сравнительной перспективе советского и постсоветского обществ. Особую актуальность этой теме придаёт тот факт, что в соответствии с указом президента России 2023 год объявлен Годом педагога и наставника. Определив в качестве предмета исследования воздействие государства на формирование приоритетов профессиональной деятельности в общем образовании, автор выделил воспитательное и учебное направление работы. Проведён анализ архивных документов, хранящихся в фондах Государственного архива новейшей истории Саратовской области. Изучены документы с 1918 года по 1941 год в рамках двух исторических периодов. Первый период от принятия положения «О единой трудовой школе» до 1930 года, возврата к стабильным программам и учебникам, а второй период с 1930 года до начала Великой Отечественной войны (1941 г.). В результате исследования установлено, что на смену лояльности к содержанию образовательных программ в двадцатых годах пришло усиление контроля в тридцатых годах. Для этого периода характерно расширение спектра объектов контроля деятельности учителей, среди которых были и успеваемость учащихся, и санитарное состояние школ, работа персонала школы, включая оценку соблюдения правил каллиграфии учителями при выставлении оценок в тетрадях учеников. Приоритетной оставалась воспитательная работа, поскольку учебная программа по любой дисциплине была связана с коммунистическим воспитанием. Социалистическое соревнование в школе стало инструментом контроля профессиональной деятельности учителей. В социалистическое соревнование образовательные учреждения были вовлечены наряду с предприятиями производственной сферы. Для школ это явилось объединением в одном инструменте обоих векторов контроля деятельности учителей, воспитательной и учебной работы. Широко распространенная практика игнорирования выполнения условий социалистического соревнования свидетельствует о его видимости. Это подтверждают сохраненные в областном архиве данные о случаях сознательного нарушения установленного порядка работы, имитации социалистического соревнования.

Ключевые слова: учитель; контроль государства; социальная история; неовеберианство; социалистическое соревнование.

Цитирование: Лелюхин С.В. Учитель и власть: эволюция профессиональных требований в 1920–1930 годы // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 1. С. 64–71. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-64-71>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Лелюхин С.В., 2023 – кандидат социологических наук, доцент, заместитель директора по научно-методической работе, Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования «Научно-образовательный центр «Компас», 410012, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Университетская, д. 36, стр. 1, к. 417.

SCIENTIFIC ARTICLE

S.V. Lelyukhin

Scientific and Educational Centre – Compass,
Autonomous Non-profit Organization
of Additional Professional Education,
Saratov, Russian Federation

E-mail: s.lel@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2919-9506>

Teacher and power: the evolution of professional requirements in the 1920–1930s

Abstract: the study of the initial Soviet stage of the general education history is important both for understanding the transformative processes in the Soviet society as a whole, and for comparing the Soviet and post-Soviet societies. This issue is particularly topical due to the fact that, in accordance with the decree of the President of Russia, 2023 has been declared the Year of Teacher and Mentor. Having defined the impact of the state on the formation of priorities for professional activities in general education as the subject of research, the author highlights the educational and pedagogic course of work. An analysis of archival documents stored in the funds of the State Archive of Recent History of the Saratov Region was carried out. 1918 - 1941 Documents were studied within the framework of two historical periods. The first period started with the adoption of the "On a unified labor school" provision and ended in 1930 with return to stable programs and textbooks, the second period started in 1930 and ended with the beginning of World War II (1941). As a result of the study, it was found that loyalty to the content of educational programs in the twenties was replaced by increased control in the thirties. This period is characterized by the of teachers' activities monitoring expansion that included student performance, the sanitary condition of schools, the school staff performance, assessment of the calligraphy rules observing by teachers when putting grades in students' notebooks. Educational work remained a priority, since the curriculum in any discipline was associated with the communist education. The socialist competition in the school became a tool for controlling the professional activities of teachers. Educational institutions were involved in the socialist completion along with industrial enterprises. For schools the competition combined both vectors of teachers' activities control and educational and pedagogic work in one tool. The widespread practice of ignoring the fulfillment of socialist competition conditions testifies to its visibility. The data, stored in the regional archive, on cases of conscious violation of the established work order, socialist competition imitation confirm that.

Key words: teacher; state control; social history; Neoveberianism; socialist competition.

Citation: Lelyukhin, S.V. (2023), Teacher and power: the evolution of professional requirements in the 1920-1930s, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 3, no. 1, pp. 64–71, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-64-71>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Lelyukhin S.V., 2023 – Candidate degree in Sociology, Associate Professor, Deputy Director for Scientific and Methodological Works, "Compass" Research and Educational Center" Further Professional Education Autonomous Non-profit Organization, 36, building 1, room 417, Universitetskaya Street, Saratov, 410012, Russian Federation.

Введение

Общее образование (Система общего образования в России включает в себя три этапа: начальное общее, основное общее и среднее (полное) общее образование. В советский период (до 1985 г.) стандартная продолжительность общего образования составляла 10 лет) является той сферой социальной жизни страны, которая одной из первых вовлекается в реформационные процессы, особенно если ставится задача идеологического воздействия на подрастающее поколение. Если реформы вызваны революционными изменениями, то учителя, как проводники новой политики, вынуждены меняться, отказываясь от привычных условий профессиональной деятельности. Изучение начального советского этапа истории общего образования важно как для понимания преобразовательных процессов в советском обществе в целом, так и в сравнительной перспективе советского и постсоветского обществ. Особую актуальность этой теме придаёт тот факт, что в соответствии с указом президента России 2023 год объявлен Годом педагога и наставника. Цель мероприятий,

которые будут проведены, состоит в признании особого статуса педагогических работников, в том числе осуществляющих наставническую деятельность.

Особый интерес для исследователей представляет изучение реакции учителей на диктат государства и партии в сфере их профессиональной деятельности в условиях усиления полномочий административных и политических властей. Хотя эта проблема и рассматривается в социально-исторических исследованиях советской школы в работах российских (Белова 2010, Долгова 2020, Елефренко 2010, Кальсина 2010, Леонтьева 2004, Пепелина 2013, Ромашова 2007) и зарубежных учёных (Келли 2004, Юинг 2011), здесь по-прежнему остается еще значительное пространство для дискуссии.

Определив в качестве предмета исследования воздействие государства на формирование приоритетов профессиональной деятельности в общем образовании, мы выделили воспитательное и учебное направление работы. Обратившись к историческим аспектам регионального опыта

учителей Саратовской области, мы изучили документы с 1918 года по 1941 год в рамках двух исторических периодов. Первый период от принятия положения «О единой трудовой школе» до 1930 года, возврата к стабильным программам и учебникам, а второй период с 1930 года до начала Великой Отечественной войны (1941 г.).

Мы ставили своей задачей понять, каковы были рамки профессиональной свободы советского учителя в изучаемый исторический период и каковы были формы индивидуальной и коллективной реакции учителей на принимаемые к ним методы бюрократического контроля их профессиональной деятельности. Гипотеза исследования отталкивалась от неовеберовской идеи дистанцирования профессионалов от влияния бюрократических структур и стремления к профессиональной автономии в деятельности (Мансуров, Юрченко 2009). Она показалась нам весьма плодотворной, поскольку выделяет взаимоотношения профессионалов и государства, часто несущие в себе конфликт столкновения интересов по поводу компетенций и власти в организации и предоставлении услуг (Романов, Ярская-Смирнова 2009). Это направление представляет интерес для целей нашего исследования и тем, что характеристики профессиональной деятельности в сфере общего образования сходны с так называемыми традиционными профессиями в сфере образования и науки, юридических услуг и услуг здравоохранения. В то же время учителя общеобразовательных школ в особенно сильной степени зависимы от бюрократических организаций. Определенную зависимость профессий от крупных организаций, их бюрократизированность, отмечала М. Ларсон, одна из наиболее известных исследователей неовеберовского направления в социологии профессий. Так, характеризуя школьное образование, она отметила концентрацию административных и управленческих функций школьными руководителями при отсутствии независимого профессионального статуса (Larson 2013).

В нашем исследовании мы предполагали, что практика отстаивания свободы в профессиональной деятельности существовала в период становления структур советской системы образования, принимая латентные формы протеста учителей против бюрократического давления. Опираясь на анализ доступных архивных данных, мы хотели разобраться в характеристиках, содержании и распространенности этих форм среди учителей в период первых лет становления советской образовательной системы.

В данном исследовании мы опирались также на метод социальной истории (Sieder 1990), который позволяет изучать историю под социальным углом зрения. Крупный вклад в становление социальной истории как направления зарубежной

историографии внесла школа «Анналов», представители которой изменили подход к истории как хронологии политических событий. Они придавали большое значение социальным процессам и социальным структурам в историческом объяснении для раскрытия социокультурного пространства в его исторической перспективе.

Это наглядно иллюстрирует позиция одного из основоположников школы «Анналов» М. Блока, который высказал идею, что постижение прошлого должно основываться не на описании исторических источников, а на основе диалога с ними и их последующей интерпретации. Он отметил, что «отношения, завязывающиеся между людьми, взаимовлияния и даже путаница, возникающая в их сознании – они-то и составляют для истории подлинную действительность» (Блок 1986).

Такой подход, по оценке Б. Миронова, позволяет «понять тенденции, смысл и значение исторических событий в контексте истории, рассмотренной под социальным углом зрения» (Миронов, 1999). Он пояснил (акцентируя идею Э. Дюркгейма о том, что история и социология обречены стать единой наукой), что социальный историк, изучая историю, отталкивается не от государства и великих людей, а от общества, помещая в центре внимания социальные группы, их взаимоотношения, их роли в экономических и культурных структурах и процессах (Миронов 2004). Обращаясь к исследованию реакции учителей на диктат государства и партии в сфере их профессиональной деятельности, мы были сосредоточены на действиях конкретной социальной группы в условиях усиления полномочий административных и политических властей.

Ход исследования

Мы провели анализ архивных документов, хранящихся в фондах Государственного архива новейшей истории Саратовской области. Этот архив начал свою работу в Саратове в 1920 году для собирания региональных материалов коммунистической партии и развивался в течение нескольких десятилетий как партийный архив Саратовского обкома КПСС. В 1991 году он был преобразован в «Центр документации новейшей истории Саратовской области», и из Государственного архива Саратовской области были переданы фонды губернских и областных профсоюзных, оборонно-спортивных и других общественных организаций. В 2005 году на базе Центра документации новейшей истории (ЦДНИСО) и был создан Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО).

Объектами нашего изучения стали архивные документы Саратовского губернского отдела профсоюза работников просвещения (количество дел – 621, период 1919-1932 гг.) и Саратовского обкома

профсоюза работников начальной и средней школы (количество дел – 192, период 1935-1948 гг.). Было изучено содержание протоколов заседаний (N=291), отчетов о работе профсоюза (N=103), переписки профсоюза с учреждениями (N=63), циркуляров (N=41) и постановлений (N=35) ЦК союза работников школы и губернского отдела Рабпроса, коллективных договоров учреждений профсоюза работников просвещения (N=18), архив вырезок из районных газет (N=15).

Исследование мы начали с анализа «Положения о единой трудовой школе», принятого государственной комиссией по просвещению в 1918 году (Основные, 1988). Эта концепция образовательной политики ставила задачу создания системы учреждений от детского сада до университета, позволявшей всем детям поступать в один и тот же тип школы и начинать своё образование одинаково, продвигаясь далее по «образовательной лестнице» до её наивысших ступеней. Трудовая школа требовала ввести в процесс обучения труд как основу преподавания.

Главным профессиональным требованием для учителей единой трудовой школы была политическая активность человека (Юинг 2011). Отсутствие диплома об образовании по специальности не являлось препятствием к занятию должности, а особым фильтром на пути к профессии стали рекомендации советских, партийных, профессиональных или иных общественных организаций, стоявших на платформе Советской власти. Для обучения принципам единой трудовой школы в 1918 году начали функционировать 100 краткосрочных педагогических курсов, а в каждой губернии создавались образцовые школы для передачи передового опыта (Штамм 1985). Для понимания особенностей личности учителя, востребованной в свете концепции единой трудовой школы, следует отметить его способность обучать, в том числе моральным, гражданским образцам, на основе своего личного примера:

«Целью воспитания является воспитание человека-гражданина в самом общепринятом значении этого слова. Как на один из способов воспитания было указано на организацию самоуправления и самообслуживания учащихся. Как на средства воспитания школьные работники указали на личный пример учителя, на пример учащихся, на моральное внушение».

Из протокола заседания школьной секции «Рабпроса» от 17.02.1920 г. Саратовского губернского отдела профсоюза работников просвещения ГАНИСО. Ф. 6107. Оп. 1. Д. 7. Л. 2

Революционные изменения, произошедшие в стране, привнесли дух революционной свободы и в школьное образование. В двадцатые годы допускалась свобода в содержании образовательных

программ. Отсутствовали четкие инструкции из центра по вопросам методологии и учебного плана. Народный комиссариат просвещения («Наркомпрос»), как координирующий и направляющий центр руководства народным образованием, предоставлял местным департаментам образования и отдельным школам значительную свободу, что привело к возникновению огромной разницы между школами в разных регионах (Fitzpatrick 1979), а особым проявлением свободы стал отказ от обязательности домашних заданий (Кейрим-Маркус 1980).

Органы управления образованием поощряли мобилизацию профессионального мастерства учителей на поиск новых приемов обучения, позволявших «выйти из душных классных комнат царской школы» (Леонтьева 2008). Революция открыла дорогу новым теориям и методикам преподавания, поскольку новаторски настроенные педагоги стремились преодолеть глубоко укоренившийся консерватизм царской школы. Они нашли поддержку со стороны новой власти, стремившейся «превратить школу в орудие борьбы с прежними ценностями» (Юинг 2011). Но одна важная особенность школы, унаследованная ею ещё со времён царского строя, была всё-таки сохранена. Это муштра и зубрёжка, позволявшие выстраивать политически ангажированную систему, отличавшуюся догматизмом и ориентированностью на подготовку кадров, готовых к мировой революции (Куркин 2012).

Выявленные нами факты свидетельствуют, что в период с 1918 года по 1930 год воспитательное направление как по отношению к ученикам, так и к самим учителям в профессиональной деятельности учителей было приоритетным. Учитель на основе личного примера был обязан воспитывать молодого гражданина советской страны, но существовала профессиональная свобода учителей в части формирования содержания учебных программ и методологии.

Когда в 1930 году реформы образования потребовали стабильных программ и учебников (Пепелина 2013), это не изменило внедряемых властями приоритетов в воспитательных функциях учителей. При проведении уроков учитель был обязан руководствоваться задачами коммунистического воспитания:

«Изучая ту или иную дисциплину, мы должны пронизывать и вклинивать в изучаемый материал вопросы коммунистического воспитания. Мы должны развивать в детях любовь к родине, вождем страны, к героям и стахановцам, чтобы у детей явились желания быть похожими на этих людей. Я часто делаю обход домов учащихся. Это даёт мне возможность создать ребятам нормальные условия для выполнения домашних заданий».

Из статьи учителя Н. Никулиной «Что может поднять успеваемость учащихся в школе», газета «Сталинец», 25.01.1939 г., г. Петровск Саратовской губернии ГАНИСО. Ф. 6150. Оп. 1. Д. 29. Л. 59

В эти годы усиливается дисциплина в школе и требования к дисциплине учителей, контроль над ней. Школьный инспектор при проведении проверки обращал внимание на успеваемость учащихся, санитарное состояние школ и работу персонала школы. Без внимания проверяющего инспектора не оставался даже такой аспект, как соблюдение учителем правил каллиграфии при выставлении отметок в тетрадях:

«В Сестренской начальной школе ученики имеют хорошую успеваемость. В школе чистота и уют. Коллектив школы работает добросовестно. Все учителя тщательно готовятся к урокам, аккуратно проверяют тетради. Отметки ставят, соблюдая все правила каллиграфии».

Из статьи школьного инспектора РОНО А. Сазиковой «После январского совещания учителей», газета «Ленинское знамя», 02.02.1939 г., Ивантеевский район Саратовской губернии. ГАНИСО. Ф. 6150. Оп. 1. Д. 29. Л. 59

В том же отчете школьный инспектор описал случаи «вольного» поведения учителей, нарушавших установленный порядок:

«В Кожевской школе успеваемость «дутая». Причина такой «дутости» успеваемости кроется в преступном отношении самих учителей к своим обязанностям. Заведующая школой и учительница тов. Рогова часто делают прогулы. Занятия вместо полдевятого начинают в 10 часов. Вместо 4-х уроков они часто делают три урока. Нередко в пятницу уезжают в село Клевенку, к родным, на выходной и срывают целый день занятий. Все январские каникулы они проводили в Клевенке и не сочли нужным явиться на районное совещание учителей».

Из статьи школьного инспектора РОНО А. Сазиковой «После январского совещания учителей», газета «Ленинское знамя», 02.02.1939 г., Ивантеевский район Саратовской губернии. ГАНИСО. Ф. 6150. Оп. 1. Д. 29. Л. 58

Эти факты не были единичными в масштабах страны, что повлияло в 1939 году на принятие мер, нацеленных на повышение дисциплинарной ответственности. Например, за отсутствие на рабочем месте в школе в течение одного дня предусматривалась санкция тюремного заключения (Юинг 2011), и эти меры существенно изменили поведение работников школы, вселяя в них чувство

страха. В то же время формировались протестные настроения. Их проявлением было формальное отношение к установкам в сфере воспитательной деятельности, проводимым властями с помощью такого метода, как социалистическое соревнование.

В тридцатые годы социалистическое соревнование пронизало все сферы хозяйственной жизни СССР, включая школу, где оно проводилось под контролем профессионального союза работников начальной и средней школы. Соревнование было организовано на нескольких уровнях. На личном уровне между учениками в классе и учителями в школе, на групповом уровне между классами в школе и школами в районах и городах, на уровне регионов соревновались между собой различные области. Мы выявили архивные документы, которые свидетельствуют о его невыполнении. В мае 1939 года была осуществлена проверка хода социалистического соревнования учителей Сталинградской и Саратовской области. В ходе проверки было установлено, что рядовые учителя даже не знали о существовании межобластного социалистического соревнования:

«Проверка результатов социалистического соревнования между учителями Сталинградской и Саратовской области показала, что профсоюзные организации и органы образования систематически не руководили этим замечательным движением. Учителя Саратовской области не обсуждали социалистического договора с учителями Сталинградской области. В беседе с учителями 15 школ города и районов, посещенных бригадой, а также на городском собрании актива учителей города и председателей районов выяснилось, что учителя Саратовской области не знали, что они соревнуются с учителями Сталинградской области».

ГАНИСО. Ф. 6150. Оп. 1. Д. 53. Л. 10-10 об

Анализ ещё одного документа, письма Центрального комитета профсоюза работников начальной и средней школы от 1 июня 1941 года, адресованного региональным подразделениям, позволил нам сделать вывод, что из года в год руководители областных органов управления образованием игнорировали соблюдение сроков предоставления отчетов о социалистическом образовании. Это письмо представляет собой специально заготовленный шаблон, отпечатанный на машинке, в котором оставалась незаполненной информация об адресате (она вписывалась вручную), а текст был единым:

«Несмотря на указания Центрального Комитета союза, от Вас до настоящего времени не поступило никаких сведений о ходе и подведении итогов республиканского соревнования школ, т.е. повторяются недостатки прошлого года»

ГАНИСО. Ф. 2496. Оп. 1. Д. 84. Л. 14

Систематическое несоблюдение сроков предоставления отчётности о соревновании, неосведомленность о существовании межобластного соревнования (случай Сталинградской и Саратовской областей) – все эти выявленные нами в архивных документах особенности свидетельствуют о создании всего лишь видимости социалистического соревнования в школе, «советские люди играли с властью в кошки-мышки» (Юинг 2011, 191).

Президиум ЦК Союза работников начальной и средней школы РСФСР боролся с выявленными недостатками, что доказывает постановление этого органа от 13 мая 1938 года:

«Осудить практику заключения договоров на социалистическое соревнование, ориентирующихся только на количественные показатели, без показателей качества учебно-воспитательной работы учителей, их политического и делового роста, общественной активности и педагогического мастерства. Разъяснить, что показатели успехов социалистического соревнования среди учителей должны являться достижения в повышении качества образования, обучения и воспитания учащихся и полная ликвидация второгодничества на основе постановлений партии и правительства о школе».

ГАНИСО. Ф. 6150. Оп. 1. Д. 29. Л. 76

Учителя корректировали свои обязательства, примером чего является документ, подписанный 29 июня 1938 года учителем русского языка Вольского района Саратовского края Е. Лыковой, вскоре после «спущенного сверху» постановления:

«1. Добиться 100% успеваемости учащихся, неустанно ведя борьбу за чистую тетрадь с каллиграфически и орфографически правильным письмом.

2. Воспитывать сознательную дисциплину учащихся, не оставляя без разъяснения ни одного дурного поступка.

3. Вести коммунистическое воспитание через учебный материал и через беседы о достижениях в соцстроительстве о героях и лучших людях нашей родины.

4. Без пропусков посещать политшколу и добросовестно выполнять задания».

ГАНИСО. Ф. 6150. Оп. 1. Д. 21. Л. 90-90 об

В этих четырёх пунктах есть не только количественные (обеспечение стопроцентной успеваемости) и качественные (борьба за чистую тетрадь, каллиграфию и орфографию) показатели оценки профессиональной деятельности, но и ее воспитательный аспект (обязательство связывать темы уроков с коммунистическим воспитанием).

Для контроля выполнения социалистических обязательств были использованы новые механиз-

мы: проверка классных журналов, производственные совещания в трудовых коллективах школ, стенные школьные газеты, поощрение победителей путём размещения фото на школьной доске почёта: *«Как проверять договора соревнования и вести учет:*

а) Классный журнал как основной вид учёта работы.

б) Заслушивание итогов выполнения соц. договоров на производственных совещаниях.

в) Освещение в стенной газете школы хода выполнения соц. договоров среди учителей.

г) Введение в школах досок почёта, на которых в фотоснимках показывать лучших работников школы с краткой характеристикой их работы».

ГАНИСО. Ф. 6150. Оп. 1. Д. 53. Л. 3

Чтобы соответствовать предъявляемым требованиям, учителю было необходимо педантично заполнять классный журнал, готовить отчеты о выполнении договоров по соцсоревнованию для выступления на совещаниях. Поощрением для передовиков социалистического соревнования были фотографии на досках почёта и статьи в стенгазетах. Для нарушителей и отстающих в выполнении договоров стенгазеты они становились досками позора. До наших дней сохраняется ситуация со значительным объёмом нагрузки учителей, не связанной с преподаванием. Этот фактор наряду с большой долей социально неблагополучных и проблемных детей, низкой вовлечённостью в принятие решений на уровне школы и высокой нагрузкой в целом, создают риски выгорания учителей (Константиновский, Пинская, Звягинцев 2019). Реформы в современном образовании, фактически направленные на усиление вертикального управленческого контроля, породили негативные последствия: приоритет количественных показателей и рейтингов, «бумажный геноцид», «натаскивание» школьников при подготовке к ЕГЭ, вызывают острое неприятие учителями вплоть до ухода из профессии (Осипов 2018). Фактически образовательная политика сводится к набору бюрократически сформулированных проектов, которые не отвечают корпусу институциональных функций образования (Осипов 2022).

Полученные результаты и выводы

Подводя итог, мы приходим к выводу, что на смену лояльности к содержанию образовательных программ в двадцатых годах пришло усиление контроля в тридцатых годах. Для этого периода характерно расширение спектра объектов контроля деятельности учителей, среди которых были и успеваемость учащихся, и санитарное состояние школ, работа персонала школы, включая оценку соблюдения правил каллиграфии учителями при выставлении оценок в тетрадях учеников. Приоритетной оставалась воспитательная работа, поскольку учебная про-

грамма по любой дисциплине была связана с коммунистическим воспитанием. Социалистическое соревнование в школе стало инструментом контроля профессиональной деятельности учителей. В социалистическое соревнование образовательные учреждения были вовлечены наряду с предприятиями производственной сферы. Для школ это явилось объединением в одном инструменте обоих векторов контроля деятельности учителей, воспитательной и учебной работы. Широко распространенная практика игнорирования выполнения условий социалистического соревнования свидетельствует о его видимости. Это подтверждают сохраненные в областном архиве данные о случаях сознательного нарушения установленного порядка работы, имитации социалистического соревнования.

С одной стороны, такое положение дел стало следствием двойной легитимации, процесса формирования норм поведения как стороны власти, так и со стороны групп населения, в данном случае профессиональной, относящейся к общему образованию. Для официального уровня были характерны тенденции бюрократизации контроля деятельности учителей и приоритетность идеологических ценностей. В то же время официальная риторика не совпадала со скрытыми нормами профессиональной деятельности, формирование которых шло на неофициальном уровне в среде учителей.

С другой стороны, эти процессы можно рассматривать как следствие высокого уровня инерционности в образовании по отношению к реформам. В отказе от демократических свобод периода двадцатых годов, провозглашенных как отрицание традиций царской школы России, виден возврат к тому, что первоначально отрицалось. Именно черта инерционности объясняет и широко распространенное скрытое несоблюдение основ социалистического соревнования в школе, вместо открытого социального или политического протеста.

Мы живём в эпоху новых реформ, и, возможно, именно инерционные характеристики образовательной системы России сгладят непредсказуемые негативные последствия радикальных изменений.

Библиографический список

Fitzpatrick, S. (1979), *Education and Social Mobility in the Soviet Union 1921-1934*, Cambridge University Press, Cambridge.

Larson, M.S. (2013), *The Rise of Professionalism: Monopolies of Competence and Sheltered Markets*, Transaction Publishers, New Brunswick.

Sieder, R. (1990), Was heißt Sozialgeschichte? Brüche und Kontinuitäten in der Aneignung des «Sozialen», *Österreichische-Zeitschrift für Geschichtswissenschaften*, vol. 1, no. 1, pp. 25–48.

Белова Н.А. Общественная работа как характерная черта повседневности советского учителя

в 1920–1930-е годы (на примере Пермского края) // *Антропология советской школы: Культурные универсалии и провинциальные практики*. Пермь: Пермский гос. ун-т., 2010. С. 146–151.

Блок М. Апология истории или ремесло историка. Москва: Наука, 1986.

Долгова Е.А. Слушатели Института красной профессуры: рекрутирование, академическое движение, трудоустройство // *Социологический журнал*. 2020. Т. 26. № 1. С. 124–140. DOI: <http://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.1.7056>.

Кальсина А.А. Становление единой государственной трудовой школы в Пермской губернии (январь 1918 г.–1923 г.) // *Антропология советской школы: Культурные универсалии и провинциальные практики*. Пермь: Пермский гос. ун-т., 2010. С. 125–145.

Келли К. «Школьный вальс»: повседневная жизнь советской школы в послесталинское время // *Антропологический форум*. 2004. № 1. С. 104–154.

Кейрим-Маркус М.Б. Государственное руководство культурой. Строительство Наркомпроса (ноябрь 1917 – середина 1918 гг.). Москва: Наука, 1980.

Константиновский Д.Л., Пинская М.А., Звягинцев Р.С. Профессиональное самочувствие учителей: от энтузиазма до выгорания // *Социологические исследования*. 2019. № 5. С. 14–25. DOI: <http://doi.org/10.31857/S013216250004949-6>.

Куркин Е.Б. Как нам избавиться от старой школы? // *Народное образование*. 2012. № 5. С. 44–50.

Леонтьева С. Дискуссия о «живом слове»: к истории медиаобразования в советской школе // *Неприкосновенный запас*. 2008. № 2. С. 132–139.

Мансуров В.А., Юрченко О.В. Социология профессий. История, методология и практика исследований // *Социологические исследования*. 2009. № 8. С. 36–46.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX века). Т. 1. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1999.

Миронов Б.Н. Социология и историческая социология: взгляд историка // *Социологические исследования*. 2004. № 10. С. 55–63.

Осипов А.М. Учительство в контексте социологии образования: теоретические подходы и приоритеты исследований // *Социологические исследования*. 2018. № 3. С. 45–52. DOI: <http://doi.org/10.7868/S0132162518030042>.

Осипов А.М. К теории образовательной политики // *Социологические исследования*. 2022. № 2. С. 45–52. DOI: <http://doi.org/10.31857/S013216250018498-0>.

Основные принципы единой трудовой школы: От Гос. комис. по просвещению 16 окт. 1918 г. Минск: Университетское изд-во, 1988.

Пепелина Н.И. Из истории народного образования в СССР в 1930-х годах: работа над школь-

ным учебником отечественной истории // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия «История и политология». 2013. № 2. С. 19–32.

Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Мир профессий: пересмотр аналитических перспектив // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 25–35.

Ромашова М.В. «Раздельное обучение себя не оправдало?!...» Из социальной истории советской школы // Исторический вестник университетов Любляны и Перми. Ljubljana: Пермь: Ун-т в Любляне; Перм. гос. ун-т. 2007. С. 95–102.

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. 2-е изд. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 336 с.

Штамм С.И. Управление народным образованием в СССР (1917–1936 гг.). Историко-правовое исследование. Москва: Наука, 1985.

Юинг Е.Т. Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. Москва: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.

References

Fitzpatrick, S. (1979), *Education and Social Mobility in the Soviet Union 1921-1934*, Cambridge University Press, Cambridge.

Larson, M.S. (2013), *The Rise of Professionalism: Monopolies of Competence and Sheltered Markets*, Transaction Publishers, New Brunswick.

Sieder, R. (1990), Was heißt Sozialgeschichte? Brüche und Kontinuitäten in der Aneignung des «Sozialen», *Österreichische-Zeitschrift für Geschichtswissenschaften*, vol. 1, no. 1, pp. 25–48.

Belova, N.A. (2010), Public work as a characteristic feature of the everyday life of a Soviet teacher in the 1920s and 1930s (on the example of the Perm Territory), *Anthropology of the Soviet school: Cultural universals and provincial practices*, Perm State University, pp. 146–151.

Block, M. (1986), *Apology of history or the craft of a historian*, Science, Moscow, Russia.

Dolgova, E.A. (2020), Students of the Institute of Red Professors: recruiting, academic movement, employment, *Sociological Journal*, vol. 26, no. 1, pp. 124–140, DOI: 10.19181/socjour.2020.26.1.7056.

Kalsina, A.A. (2010), The formation of a unified state labor school in the Perm province (January 1918–1923), *Anthropology of the Soviet school: Cultural universals and provincial practices*, Perm State University, pp. 125–145.

Kelly, K. (2004), "School waltz": everyday life of the Soviet school in the post-Stalinist time, *Anthropological Forum*, no. 1, pp. 104–154.

Keirim-Marcus, M.B. (1980), *State Cultural Leadership. Construction of the People's Commissariat*

of Education (November 1917–mid-1918), Science, Moscow, Russia.

Konstantinovskiy, D.L., Pinskaya, M.A., Zvyagintsev, R.S. (2019), Professional well-being of teachers: from enthusiasm to burnout, *Sociological Research*, no. 5, pp. 14–25, DOI: <http://doi.org/10.31857/S013216250004949-6>.

Kurkin, E.B. (2012), How do we get rid of the old school? *Public Education*, no. 5, pp. 44–50.

Leontieva, S. (2008), Discussion about the "living word": to the history of media education in a Soviet school, *Inviolable Reserve*, no. 2, pp. 132–139.

Mansurov, V.A., Yurchenko O.V. Sociology of professions. History, methodology and practice of research, *Sociological Research*, no. 8, pp. 36–46.

Mironov, B.N. (1999), *Social history of Russia during the empire (XVIII - early XX centuries)*, vol. 1, Dmitry Bulanin, St. Petersburg, Russia.

Mironov, B.N. (2004), Sociology and historical sociology: the view of the historian, *Sociological Research*, no. 10, pp. 55–63.

Osipov, A.M. (2018), Teaching in the context of the sociology of education: theoretical approaches and research priorities, *Sociological Research*, no. 3, pp. 45–52, DOI: <http://doi.org/10.7868/S0132162518030042>.

Osipov, A.M. (2022), To the theory of educational policy, *Sociological Research*, no. 2, pp. 45–52, DOI: <http://doi.org/10.31857/S013216250018498-0>.

The main principles of a unified labor school: From the State. comis. on education on October 16, 1918 (1988), Minsk, Belarus.

Pepelina, N.I. (2013), From the history of public education in the USSR in the 1930s: work on a school textbook of Russian history, *Bulletin of Moscow State University named after M.A. Sholokhova, History and Political Science Series*, no. 2, pp. 19–32.

Romanov, P.V., Yarskaya-Smirnova, E.R. (2009), World of professions: revision of analytical prospects, *Sociological research*, no. 8, pp. 25–35.

Romashova, M.V. (2007), "Did not separate training justify itself?!..." From the social history of the Soviet school, *Historical Bulletin of the Universities of Ljubljana and Perm*, Un-t in Ljubljana, Perm, Gos. un-t, Ljubljana, Perm.

Fitzpatrick, Sh. (2008), *Everyday Stalinism. Social history of Soviet Russia in the 30s: city*, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); Foundation of the First President of Russia B.N. Eltsin, Moscow, Russia.

Strain, S.I. (1985), *Management of public education in the USSR (1917–1936). Historical and legal research*, Science, Moscow, Russia.

Ewing, E.T. (2011), *Teachers of the era of Stalinism: power, politics and school life of the 1930s*, ROSSPEN; Foundation "Presidential Center B.N. Yeltsin", Moscow, Russia.

Submitted: 11.01.2023

Revised: 13.02.2023

Accepted: 20.03.2023